

Жигунова М. А.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СИБИРИ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

На основе исторических, этнографических, этносоциологических, культурологических, лингвистических, музееведческих и этнопсихологических материалов рассматриваются общие черты этнокультурной истории и специфики современного самосознания русского, украинского, белорусского и казачьего населения Сибири. Также приводятся сведения по межэтническим взаимовлияниям, этнокультурным предпочтениям, этническим стереотипам и образам.

Ключевые слова: *русские, украинцы, белорусы, казаки, Сибирь, этнокультурная история, идентичность.*

При всей подвижности и условности современных этнических границ и при высокой степени культурных взаимовлияний и взаимодействий в современном мире представления о народах и их своеобразии остаются мощной политической и эмоциональной реальностью (Тишков, 2005: 5). В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы изучения этнокультурной истории и идентичности. Их изучением активно занимаются не только историки, но и философы, социологи, этнологи, культурологи, психологи. Исторически сложилось так, что в формировании населения Сибири приняли участие выходцы из различных губерний Европейской России и Урала, различные по своему социальному, конфессиональному и этническому составу. В этом калейдоскопе среди других особо выделяется восточнославянский компонент, на который приходится подавляющее большинство современного населения этого региона. В данной работе на основе междисциплинарного подхода рассматриваются общие черты этнокультурной истории и специфики современного самосознания русского, украинского, белорусского и казачьего населения Сибири. Зачастую они взаимосвязаны так тесно, что четко отделить каждую этническую составляющую не представляется возможным.

Основной источниковой базой для работы послужили материалы историко-этнографических, этносоциологических, культурологических, музееведческих и этнопсихологических исследований, проводившихся в 1974–2014 гг. экспедициями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии, омской областной общественной организацией «Центр славянских традиций», а также лично автором. Исследования проводились в различных регионах Западной и Восточной Сибири, в Хакасии, Северном Казахстане. Существенным источником послужили материалы, собранные автором в 2000-е гг. при чтении лекционных курсов «Восточнославянское население Западной Сибири: история и культура», «История мировых религий», «История музеев Сибири», «История и культура сибирского казачества», «Культурология», «Обряды жизненного цикла восточных славян», «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры», «Современные этнические процессы у русских в Сибири», «Социальная и культурная антропология народов мира», «Социокультурная специфика Сибирского региона», «Этническая психология и культура межнациональных отношений», «Этнография и этносоциология восточных славян» и др.

Начало восточнославянского освоения Сибири обычно связывают с походами легендарного казачьего атамана Ермака (1580-е гг.). По мнению лингвистов, слово «казак» попадало в языки народов Сибири и приобретало значение «русский», так как первые русские пришельцы зачастую и были казаками (Аникин, 200: 233). Известно, что сибирское казачество характеризова-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

лось неоднородностью этнического, конфессионального и социального состава: в него верстались донские, запорожские, кубанские, оренбургские, забайкальские и другие казаки; крестьяне из различных губерний Европейской России, Урала и Сибири; повстанцы с Дона, польские конфедераты, пленные наполеоновской армии, обращенные в христианскую веру татары, киргиз-кайсаки, чуваша, мордва и другие народы. К концу XIX в. около 95 % сибирских казаков было представлено восточными славянами. Русские численно преобладали во всех частях войсковой территории и составляли более 84 % казачества, второй по численности этнической группой были украинцы – 7,5 %, белорусов насчитывалось около 3 % (Андреев, 2006: 37, 54). Кроме служилых людей встречались представители восточнославянских народов и среди первых сибирских земледельцев. В том числе на первой русской пашне на территории Сибири – Чёкрушевском поле, которое расположено в Омской области близ города Тара. «Государева десятинная пашня» была организована здесь еще в 1599 г.

Массовое переселение восточных славян в Сибирь началось лишь в период реформ П. Д. Киселева. В 1840–1850-е гг. только в Западной Сибири, наиболее удобной в природно-географическом отношении и ближайшей к Европейской России территориально, водворилось 1,5 млн крестьян (Чуркин, 2006: 202). Интенсивное освоение лесостепных районов Западной Сибири началось в связи со строительством в 1890-е гг. Транссибирской железной дороги. Проследить точную динамику восточнославянского населения в Сибирском регионе довольно сложно, поскольку этническая составляющая в ранних документах почти не освещалась, указывалось вероисповедание. Поэтому в официальных документах под русскими подразумевались не только все представители восточнославянского населения, но и все православные. Кроме того, даже в конце XIX – начале XX в. выходцев из Белоруссии зачастую записывали русскими, полагая, что русский и белорус почти идентичны.

В начале XX в. Сибирь становится основным колонизационным районом Российской империи. В миграционных процессах, связанных со Столыпинской аграрной реформой 1906–1911 гг., основное участие приняли уже не служилые люди, промышленники и ссыльные каторжане, а крестьяне и ремесленники. Состав переселенцев по местам выхода распределялся следующим образом: Черноземный центр – 24,0 %, Малороссия – 24,2 %, Новороссия – 17,4 %, западные губернии – 15,8 %, Поволжье – 8,7 %, Центральная Россия – 1,8 %, Европейский Север – 0,5 %, Прибалтика – 0,7 %, Кавказ и Нижняя Волга – 1,3 %, Приуралье – 5,6 % (Скляр, 1962: 152).

Переселялись как одиночками, так и семьями, целыми родственными кланами, деревнями. По возможности выбирали схожие с местами исхода условия проживания. В начале XX в. основная часть переселенцев в Сибири оседали в уже существующих, основанных старожилами деревнях. В данном случае образовывались соответственно «сибирский (чалдонский)» и «россейский (витебский, вятский, курский или др.)» края. До настоящего времени в отдельных поселениях сохраняется это условное деление на «свою» и «чужую» территорию. Стремясь сохранить память о своей исторической родине, переселенцы увековечивали ее в названиях не только улиц и «краев», но и самих населенных пунктов. Так в Сибири появились свое Азово, Астрахановка, Белорусская, Белосток, Виленка, Вятка, Домбай, Екатеринославка, Казанка, Краснодарка, Крым, Малороссы, Минское, Минск-Дворянск, Мядельск, Московка, Новоцарицино, Одесское, Орловка, Павлоградка, Полтавка, Рязанка, Самарка, Саратовка, Смоленка, Таврическое, Тамбовка, Украинка, Харьковка, Царицыно, Черниговка, Черноморка, Южно-Подольск и многие другие.

Накануне Великой Отечественной войны продолжались плановые сельскохозяйственные переселения на территорию Сибири. Так, например, только за 1940 г. колхозам Омской области удалось принять около 10 тыс. переселенческих хозяйств (в основном из Украинской и Белорусской ССР, из районов Центральной России) (Бадалян, Мелентьева, 1999: 40–41). В 1941–1945 гг. здесь были размещены депортированные, эвакуированные, а после войны – репатриированные граждане. С середины XX в. сюда устремились новые переселенческие потоки, связанные с ее

промышленным освоением, разработкой нефтяных и газовых месторождений, целинных и залежных земель. Таким образом, история заселения и расселения во многом обусловила специфику менталитета и многогранность восточнославянской культуры в Сибири.

Присущее ранее этническому самосознанию деление на локальные, социальные, конфессиональные и другие группы к середине XX в. было практически утрачено. Способствовали этому не только государственная политика СССР, направленная на интернационализацию общественной жизни и формирование «новой исторической общности – советский народ», ломка всяческих этнокультурных границ, но и активные межэтнические контакты, в том числе и брачные. Согласно обработанным данным архивов ЗАГСов, в отдельных районах Западной Сибири в 1950–1970-е гг. межнациональные браки составляли 38–73 % от всех зарегистрированных. В настоящее время на их долю приходится около 20 %. Данные этносоциологических опросов свидетельствуют о том, что в семьях 70 % опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей, чаще всего украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, польской, еврейской, цыганской, чувашской, мордовской, армянской. В восточнославянских семьях Сибири встречаются представители более 50 различных народов мира.

Среди основных критериев этнической идентичности чаще всего респондентами указываются национальная принадлежность родителей и родственников, а также язык и культура, территория проживания и личные ощущения. В советский период времени при получении паспорта в графу «национальность» записывалось самоопределение человека, не учитывая его этническое происхождение, подростки из национально-смешанных и других семей часто выбирали русскую национальность. Как правило, современные потомки белорусов, родившиеся в Сибири, чаще определяют себя так: «Корни белорусские, но считаю себя русским». Часто называют себя русскими и потомки украинских переселенцев. Считают себя русскими и подавляющее большинство сибирского казачества. Это обусловлено общей территорией проживания, социальным окружением и воспитанием, преобладающими культурными традициями и образом жизни.

Активные брачные контакты между русскими, украинцами, белорусами, а также немцами, татарами, казахами и представителями других народов привели к тому, что современные потомки этих браков затрудняются четко определить свою национальность. Среди вариантов ответов часто встречаются такие: «смешанная», «многонациональная», «славянин», «наполовину русский, наполовину украинец», «русский, но по крови – белорус», «русский хохол», «русский/сибирский/донской/кубанский/забайкальский казак», а также «русско-украинско-белорусско-финская», «татаро-украино-русская», «на $\frac{1}{4}$ русская, на $\frac{1}{4}$ украинка, на $\frac{1}{4}$ немка, на $\frac{1}{4}$ мордва» и др. Начиная с 1990-х гг. все чаще стал использоваться в качестве этнонима бывший топоним «сибиряк». Дальнейший рост региональной сибирской идентичности привел к тому, что в материалах Всероссийской переписи населения 2010 г. впервые была зафиксирована новая национальность «сибиряки» (Жигунова, Ремнёв, Суворова, 2014: 48–63; Население Сибири... 2011: 163–179).

Жителей Белоруссии называли раньше литвины (литва), поляки, в Сибири они звались также бульбашами (от *белорус.* бульба – картошка), лапотонами и лапотниками (по названию распространенной обуви – плетеных лаптей), посельщики, посельга, кацапами, самоходами (так как шли в Сибирь добровольно «своим ходом»), но чаще – по местам выхода: российские (расея), минщина (минские), витебские, гомельские, могилевские и др. Особую категорию служилых людей составляли панцирные бояре. Украинцев еще в начале прошлого века называли также «малороссы», «южнороссы», «козаки», «черкасы», «расейские» и др. В Западной Сибири за ними прочно закрепилось прозвище «хохлы», которое в настоящее время встречается в качестве национальной (этнической) принадлежности. В царской России казаки являлись этнословной воинской группой, а в начале XXI в. они стали осознавать себя особой национальностью. Так, согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., впервые в перечне встретившихся вариан-

тов национального самоопределения появились «казаки» (так назвали себя более 140 тыс. человек). Интересно, что подобные варианты самоидентификации были зафиксированы во всех административно-территориальных округах Западной и Восточной Сибири.

К числу наиболее устойчивых этнических признаков относится язык. Лингвисты подтверждают, что полное овладение языком немислимо без усвоения культуры народа. Обычно названия языка и народа совпадают, но в настоящее время далеко не всегда языковая и этническая идентичности оказываются одинаковыми. Подавляющее большинство украинцев, белорусов и казаков Сибири не только используют при общении русский язык, но и называют его в качестве родного. В результате активных межкультурных контактов в южных районах сложился своеобразный русско-украинский говор – суржик. В Западной Сибири в русскую речь проникает гортанное «А» – от немецкого и кавказского акцента, смягченное «Ш»–«Ж», фригативное «Г» – от украинского языка и казачьего говора, широкие гласные – из белорусского языка (Аникин, 2000: 6–10; Чекмарёва, 1997).

А теперь рассмотрим современные этнические стереотипы и образы. По мнению большинства опрошенных в 2000-е гг. жителей Сибири, всем восточнославянским народам присущи гостеприимство, трудолюбие, коллективизм, доброта, жизнерадостность, сила духа, выносливость, терпимость, открытость, высокие адаптационные способности. Вместе с тем отмечалось, что белорусы самые спокойные, выносливые, незлобивые, надежные, а украинцы – самые веселые, любят музыку, танцы и песни. Для русских характерными чертами считаются общительность, широта души, вера в лучшее, противоречивость, привычка к авралу, для казаков – своевольность, гордость, бесшабашность, любвеобилие. Если проанализировать распространенные этнические анекдоты про восточных славян, то окажется, что чаще всего в качестве героев в них встречаются русские и украинцы (хохлы). Первые предстают в них смекалистами, удалыми, наивными, склонными к алкоголизму, надеющимися на авось, вторые – расчетливыми, жадными и вредными.

Среди ассоциаций, возникающих при упоминании восточных славян, наиболее часто упоминаются следующие. «Белорусы» – Минск, батько Лукашенко, картошка, драники, Полесье, Белорусский вокзал, белорусские партизаны, трактор «Беларус», ансамбль «Песняры». «Украинцы» – сало, горилка, хохлы, вареники, борщ, украинский язык, Киев, друзья, национальная одежда (венки с лентами, вышитая блузка, шаровары), Тарас Бульба, Верка Сердючка. «Русские» – Москва, триколор (флаг), большая территория, медведь, водка, баня, русские красавицы, православная церковь, береза. Казаки – воин, войско, конь (кони, лошади), свобода, воля, шашка (сабля), атаман, лампасы, папаха, чуб и усы (Жигунова, 2012: 24). Наиболее сложный ассоциативный портрет получается у русских, как и наибольшее количество черт характера (более 160). Интересно, что типичные черты русских, украинцев, казаков вырисовываются более-менее четко, а наибольшее затруднение вызывает ответ на вопрос «Какие черты характера присущи белорусам?». Среди наиболее популярных ответов: «Не знаю», «Они такие же, как русские», «Ни в чем с русскими разницы нет».

Психолог И. С. Кон считал: «Чтобы понять характер народа, нужно изучать прежде всего его историю, общественный строй и культуру; индивидуально-психологические методы здесь недостаточны» (Кон, 1997: 147). Восточные славяне нашли в Сибири природно-географические условия, сходные с местами их выхода. Поэтому им удалось сохранить здесь свои основные хозяйственные занятия: земледелие (выращивание зерновых, овощных и технических культур) и животноводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней, кур, уток, гусей, индюков). Но также им пришлось адаптироваться к местным условиям, изменить отдельные приемы и способы хозяйственной деятельности, а также набор выращиваемых культур. Появившись в Сибири, белорусы начали особо культивировать картофель и лен. Украинцы в южных районах активно занялись садоводством и огородничеством, широкое распространение

получили арбузы, дыни, тыквы, увеличились посевы подсолнечника. Существенную роль играли также охота, рыболовство, пчеловодство, собирательство, различные ремесла и промыслы (обработка дерева, кожи и меха, плетение, прядение и ткачество, кузнечное дело и др.).

В пограничной зоне юга Западной Сибири и Северного Казахстана особое значение имели этнокультурные взаимовлияния восточных славян с местным тюркским населением. С наибольшей интенсивностью эти процессы протекали между казаками (киргиз-кайсаками) и сибирским казачеством, идентичными были и сами их названия «казаки». «С первых же лет появления они вошли в тесный контакт с инородцами – татарами, киргизами и калмыками, неизбежным результатом чего явились метисации, перемены в образе жизни, привычках, нравах и т. д.» (Россия... 1903: 185). У окружающего казахского населения были заимствованы отдельные хозяйственные навыки, местные породы скота и лошадей, разведение курдючных овец. Наряду с привезенными с Украины волами в качестве тягловой силы использовались верблюды. Наиболее существенные заимствования нашли отражение в жилище, одежде, пище, общественных отношениях (Жигунова, Реммлер, 2011).

Довольно часто встречались межэтнические брачные связи и факты крещения казахов. Свидетельствуют об этом и экспедиционные материалы, например: «Одна казачка вышла замуж за казаха, он изменил веру, получил фамилию Конюхин, стал казаком», «Один казах должен был креститься, окунулся на Крещение в прорубь. Его крестили Иваном Ивановичем Трофимовым». Самый знаменитый генерал Первой мировой и Гражданской войн Лавр Корнилов был сыном сибирского казака и казашки. Есть мнение, что «казаки – это переходный этнос, объединивший в себе славяно-тюркские крови, родственник и европейцам, и азиатам, воплотивший в себе черты кочевника и землепашца, а также реализовавший в своей истории воинские доблести славян и тюрков, которыми в свое время они прославили себя во всех сражениях мировой истории, где им довелось принимать участие» (Угренинов, 2007: 40).

Перемещение и адаптация к меняющимся условиям требовали постоянного приобретения знаний и их передачи. В результате приспособления и трансформации принесенных в Сибирь восточнославянских традиций постепенно складывался и начинал функционировать местный комплекс хозяйственно-бытовых навыков, соответствующий той или иной природно-географической зоне. Прежде всего это нашло отражение в культуре жизнеобеспечения. Поселения и усадьбы восточных славян обычно располагались на берегах рек и озер, а также вдоль крупных транспортных магистралей. Жилища отличались разнообразием: сначала – землянки, дерновые избы, бараки, затем – избы, пятистенки, связи, крестовые дома, но в технике их строительства и планировки сохранялись и получили дальнейшее развитие традиции мест выхода. Особенностью жилищного строительства являлось широкое использование хвойных пород деревьев, связанное с наличием обширных массивов тайги и высокой устойчивостью этих пород против гниения. В южных районах часто встречаются каркасные, насыпные, саманные и глинобитные постройки, а также «перекатанные дома» (размечали венцы сруба, разбирали его по бревнам, перевозили и заново складывали на новом месте жительства). Восточнославянское жилище можно было безошибочно угадать по наличию переднего (красного, святого, цветного) угла с полочкой-божничкой для икон. Специфичной особенностью сибирского жилища являлось его украшение урало-сибирской домовой росписью.

Отдельно следует сказать о бане. Ее наличие многие исследователи считают одним из характерных признаков северно-русской культуры. Наибольшее количество индивидуальных бань фиксируется в северных районах. Так, например, в отдельных селениях Омской области своя собственная баня имеется у 80% домохозяйств. До настоящего времени можно встретить бани, которые топят по-черному. В зависимости от назначения используются банные веники из березовых, дубовых, липовых, пихтовых и кедровых веток, а также крапивные, полынные и смородиновые и др. Многие мужчины любят после парной обливаться холодной водой, ны-

рять в воду или снежный сугроб. В начале XX в. баню топили при самых важных и значимых событиях: для роженицы и новорожденного, накануне и после свадьбы, перед великими праздниками и отправлением в путь, после возвращения домой. В настоящее время повсеместно в сельской местности в качестве банного дня сохраняется суббота. Довольно часто встречается шуточная «баня с парилкой» и на второй день традиционной славянской свадьбы в Сибири.

Современное религиозное сознание представляется довольно аморфным, о чем свидетельствуют следующие ответы респондентов: «И верю, и не верю», «Не верующий и не атеист», «Не знаю, кто я – у родителей вера разная». Тем не менее подавляющее большинство восточнославянского населения Сибири относят себя к христианам. После 70-летия господствующего атеизма начиная с конца XX в. все большую популярность приобретают церковные ритуалы, связанные с календарными и семейными праздниками (Православные традиции в народной культуре... 2006). Здесь следует отметить тесное переплетение религиозных и народных традиций. Так, например, у белорусских потомков разговление на Пасху начинается в семье с того, что старшая женщина очищает одно крашеное яйцо, разрезает на столько частей, сколько человек за столом, и дает каждому его дольку – «Чтобы в доме был мир, дружно жили». Частично бытуют похоронные причеты, а также традиция повязывать на могильный крест полотенце.

Существенным разнообразием и относительной устойчивостью характеризуется песенная культура (особенно у украинцев), которая сохраняется благодаря многочисленным профессиональным и самодеятельным фольклорным коллективам. Особенно богатым песенным сопровождением отличалась украинская свадьба, которая зачастую сопровождалась почти непрерывным пением и могла включать от 35 до 60 обрядовых песенных образцов различных жанров (Сидорская, 2013: 17). В родильной обрядности белорусов встречаются хрестинные песни, сохранение первой пеленки и распашонки новорожденного первенца для передачи их последующим детям в этой семье.

Чтобы лучше понять специфику культуры восточнославянского населения Сибири, обратимся к анализу современных этнокультурных предпочтений. Среди известных и любимых пословиц встречаются как русифицированные версии белорусских и украинских, так и русские народные: «Без труда не вынешь рыбку из пруда», «Волков бояться – в лес не ходить», «Все, что ни делается – к лучшему», «Терпенье и труд все перетрут», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Помирать збирайся, а жито сей», «Где гость, там и Бог ёсть», «Кончил дело – гуляй смело», «Яко дерево, таков и клин, каков батька – таков сын», «Ласковое теля две матки сосет», «Была бы шея, а хомут найдется», «Брехать – не цепом махать», «Любишь кататься – люби и саночки возить» и др. Среди современного русского населения фиксируется достаточно много любителей украинских народных песен, причем их количество увеличивается пропорционально возрасту респондентов. В качестве любимых чаще всего называют следующие песни: «Розпрягайте, хлопці, коні», «Ой, при лужку, при лужку», «Несэ Галя воду», «Ти ж меня підманула». Интересно, что встречаются как варианты русификации украинских текстов песен, так и наоборот. Среди любимых праздников у восточнославянского населения Сибири лидируют Новый год, Пасха, Рождество, День Победы (9 Мая), далее следуют дни рождения свои собственные, детей и внуков.

Довольно стойко сохраняются этнические традиции в системе питания, что отражается не только в выборе определенных блюд, но и способах их приготовления, наборе используемых продуктов, режиме питания, застольном этикете. Среди любимых национальных кушаний чаще всего называются: пельмени, борщ, блины, шашлык, манты, плов, картошка, пироги, вареники, драники, окрошка, сало, цепелины, заливное (холодец). Любимые напитки: чай, квас, морс, молоко, компот (узвар), разнообразные соки, минеральная вода. Наиболее предпочитаемым видом мяса является свинина, за ней следуют говядина и птица. Встречается потребление конины и баранины (особенно в районах смешанного расселения). Любимым праздничным

блюдом являются зажаренные целиком молочные поросята, а также гуси, утки, куры, индюки. Определенное место занимают продукты, полученные в результате охотничьего промысла, – мясо оленя, лося, косули, медведя, зайца, боровой дичи. Особой популярностью пользуются копченые и полукопченые мясные изделия, соленое и копченое свиное сало.

Знаменитые сибирские (русские) пельмени традиционно готовятся из смеси свиного, говяжьего и бараньего фарша. Лингвисты считают, что в русском языке это слово появилось в XIX в. Обычно его происхождение связывают с коми-пермяцким «пельнянь» («хлебное ухо») (Аникин, 2000: 444). В последние годы все большую популярность приобретают среднеазиатские манты и кавказские хинкали. Любимы многими украинские вареники, которые готовят с сырой и вареной картошкой, творогом, капустой, ягодами. Реже встречаются белорусские камы (блюдо типа пельменей с начинкой из картошки и кусочков сала).

В современном рационе русского населения Сибири наиболее заметно влияние украинской (борщ, вареники, галушки, вергуны, узвар), белорусской (суп-крупеня, драники, клецки, бигус, буженина), среднеазиатской и татарской кухни (манты, плов, азу, чак-чак). В северных районах, отдаленных от городов и транспортных магистралей, лучше сохраняется бытование традиционных блюд. Здесь практически нет дачных участков, все необходимое выращивается на огородах или собирается в лесу и на болоте (кедровые орехи, смородина, малина, костяника, черника, клюква, морошка, брусника и т. д.). В южных районах сильнее ощущается влияние урбанизации, и все большую популярность приобретает дачное овощеводство и садоводство (малина, смородина, земляника, яблоня, вишня, облепиха и т. д.).

Существенным подспорьем при изучении традиционной культуры являются этнографические собрания музеев, которые можно рассматривать в качестве одного из основных средств культурной самоидентификации. Но здесь исследователя подстерегают определенные трудности. Как уже отмечалось, в исторических документах зачастую все восточнославянское и русскоговорящее население именовалось русскими или православными. Кроме того, проживая в смешанных по этническому составу населенных пунктах, представители различных этнических групп заимствовали друг у друга орудия труда и способы производства, орнаментику, другие элементы культуры. Это привело к тому, что в музейных собраниях Сибири можно встретить абсолютно идентичные предметы, принадлежащие различным представителям восточнославянских и других народов, но атрибутированные как русские, украинские, белорусские или казахи.

Практически в каждом районном историко-краеведческом музее встречаются коллекции, посвященные культуре русского населения, реже – украинского. Менее всего представлена в музейных собраниях Сибири культура белорусов. Малочисленны белорусские коллекции и в крупнейших областных музеях Западной Сибири. Так, например, в Новосибирском государственном краеведческом музее белорусская этнографическая коллекция насчитывает всего 49 предметов. В последние годы стали пользоваться спросом экспозиции, посвященные казачеству.

В заключение отметим следующее. Восточные славяне и их потомки внесли существенный вклад не только в территориальное, земледельческое, промышленное освоение Сибири, но и в ее научное, социокультурное измерение. Здесь они обрели свою новую родину и сохранили многие свои этнические традиции, принесенные с различных мест выхода. Наряду с этим их культура обогатилась новыми компонентами, заимствованными от других народов по пути следования в Сибирь, от аборигенных и проживающих по соседству народов, а также появившимися в результате адаптации и трансформации собственных традиций, которые отличались известным многообразием. По мере совместного проживания постепенно стирались локальные различия в культуре, вырабатывались общесибирские черты, включая общий менталитет. В настоящее время требуется огромное и всестороннее внимание к проблемам восстановления культурной преемственности, восполнения дефицита информации по особенностям региональных и локальных этнокультурных традиций восточнославянского населения Сибири.

Список литературы и источников

- Андреев С. М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск: Омская академия МВД России, 2006. 259 с.
- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М., Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- Бадалян Т. М., Мелентьева А. П. Опыт сельскохозяйственного переселения в Западную Сибирь в предвоенные годы // Проблемы этнологии и этнопедагогика. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 40–41.
- Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформация этнической культуры / отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.
- Жигунова М. А. Специфика самосознания и культуры сибирского казачества, современные проблемы их изучения // Сибирское казачество: Отечества служилая рать. Омск: Полиграфический центр КАН, 2012. С. 22–31.
- Жигунова М. А., Реммлер В. В. Сибирские казаки и казахи на этнокультурном фронтире // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 207–210.
- Жигунова М. А., Ремнёв А. В., Суворова Н. В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России: Научный и научно-публицистический журнал. 2014. № 2 (12). С. 48–63.
- Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 122–158.
- Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. науч. тр. / под ред. М. А. Жигуновой, Е. М. Данченко. Омск: Полиграфический центр КАН, 2011. 348 с.
- Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв.: коллективная монография / под ред. Е. Ф. Фурсовой. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. 128 с.
- Пушкарёва Н. Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. 334 с.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 18. Киргизский край. СПб, 1903. 185 с.
- Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области (1930–2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2013. 33 с.
- Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.
- Тишков В. А. О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 3–23.
- Угренинов С. А. Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку. Костанай: Костанайский печатный двор, 2007. 262 с.
- Чекмарева Л. П. К проблеме искажения русской лексической культуры западносибирского региона под влиянием миграционных процессов // Россия и Восток: История и культура. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. С. 247–249.
- Чуркин М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во Омского педагогического ун-та, 2006. 350 с.
- Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. 558 с.

Жигунова М. А., кандидат исторических наук, доцент, ст. научный сотрудник.

**Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук.**

Пр. Маркса, 16, Омск, Россия, 644024.

E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2015.

Zhigunova M. A.

THE EAST SLAVIC POPULATION IN SIBERIA: ETHNOCULTURAL HISTORY AND IDENTITY

The article considers common features of ethnocultural history and specifics of modern consciousness of the Russian, Ukrainian, Belarusian and Cossack population of Siberia based on historical, ethnographic, ethnosociological, culturological, linguistic, museological and ethnopsychological materials. Often they are interconnected so closely that accurately it isn't possible to separate each ethnic component. The author investigates ethnic, regional, confessional, language, ethnocultural identity of modern east Slavs of Siberia.

The author analyzes ethnocultural preferences of modern east Slavs (favourite dishes, products, drinks, holidays, proverbs and sayings), the existing ethnic stereotypes and ideas of the main traits of character of Russians, the Ukrainian, Belarusians, Cossacks. Separately interethnic interferences and marriage contacts are considered.

East Slavs in Siberia kept many ethnic traditions brought from various places of an exit. Along with it, their culture was enriched with the new components borrowed from other people on the way to Siberia, from the native and living in this territory together with them ethnic groups, and also appeared as a result of adaptation and transformation of own extremely diverse traditions. Gradually, for many years of cohabitation in Siberia separate small distinctions in culture were gradually erased, the all-Siberian fragments of culture, including the general mentality were developed.

Key words: *Russians, Ukrainians, Belarusians, Cossacks, Siberia, ethnocultural history, identity.*

References

- Andreev S. M. *Sibirskoye kazach'e voysko: vzniknoveniye, stanovleniye, razvitiye (1808–1917 gg.)* [Siberian Cossack army: origin, formation, development (1808–1917 gg.)]. Omsk, Omskaya Akademiya MVD Rossii Publ., 2006. 259 p. (in Russian).
- Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia]. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2000. 768 p. (in Russian).
- Badalyan T. M., Melent'eva A. P. Opyt sel'skokhozyaystvennogo pereseleniya v Zapadnuyu Sibir' v predvoennyye gody [The experience of agricultural migration in Western Siberia in the prewar years]. *Problemy etnologii i etnopedagogiki* [Problems of Ethnology, ethnological]. Novosibirsk, NSPU Publ., 1999. Pp. 40–41 (in Russian).
- Belorusy v Sibiri: Sokhraneniye i transformatsiya etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: the Preservation and transformation of ethnic culture]. Ed. by E. F. Fursova. Novosibirsk, Institut arkhologii i etnografii SO RAN Publ., 2011. 424 p. (in Russian).
- Zhigunova M. A. Spetsifika samosoznaniya i kul'tury sibirskogo kazachestva, sovremennyye problemy ikh izucheniya [The specifics of the identity and culture of the Siberian Cossacks, modern problems of their study]. *Sibirskoye kazachestvo: Otechestva sluzhilaya rat'* [Siberian Cossacks: Warriors for the motherland]. Omsk, Poligraficheskii tsentr KAN Publ., 2012. Pp. 22–31 (in Russian).
- Zhigunova M. A., Remmler V. V. Sibirskiy kazaki i kazakhi na etnokul'turnom frontire [Siberian Cossacks and Kazakhs ethnic frontier]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii: sb. nauch. tr.* [Ethnic history and culture of the Turkic peoples of Eurasia: collection of scientific works]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2011. Pp. 207–210 (in Russian).
- Zhigunova M. A., Remnev A. V., Suvorova N. V. Sibirskiy rakurs regional'noy identichnosti [Siberian view of regional identity]. *Natsional'nye priority Rossii: nauchnyy i nauchno-publitsisticheskii zhurnal – National priorities of Russia: scientific and scientific-publicistic journal*, 2014, no. 2 (12), pp. 48–63 (in Russian).
- Kon I. S. K probleme natsional'nogo kharaktera [To the problem of national character]. *Istoriya i psikhologiya* [History and psychology]. Ed. by B. F. Porshnev and the L. I. Antsiferova. Moscow, Nauka Publ., 1971. Pp. 122–158 (in Russian).
- Naseleniye Sibiri: mezhnatsional'nye otnosheniya, obrazovaniye i kul'turnaya identichnost': sb. nauch. tr.* [The population of Siberia: international relations, education and cultural identity: the collection of proceedings]. Ed. by M. A. Zhygunova, E. M. Danchenko. Omsk, Poligraficheskii tsentr KAN Publ., 2011. 348 p. (in Russian).
- Pravoslavnyye traditsii v narodnoy kul'ture vostochnykh slavyan Sibiri i massovyie formy religioznogo soznaniya XIX–XX vv.: kollektivnaya monografiya* [Orthodox traditions in the folk culture of the Eastern Slavs in Siberia and the massive form of the religious

consciousness of the XIX–XX centuries: collective monograph]. Ed. by E. F. Fursova. Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2006. 128 p. (in Russian).

Pushkareva N. L. *Etnografiya vostochnykh slavyan v zarubezhnykh issledovaniyakh (1945–1990)* [Ethnography of the Eastern Slavs in foreign studies (1945–1990)]. Saint-Petersburg, Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs Publ., 1997. 334 p. (in Russian).

Rossiia. *Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego Otechestva. T. 18. Kirgizskiy kray* [Russia. Complete geographical description of our Fatherland. Vol. 18. Kirghiz territory]. Saint-Petersburg, 1903. 185 p. (in Russian).

Sidorskaya O. G. *Svadebnaya obryadnost' ukrainitsev Omskoy oblasti (1930–2000-e gody): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Wedding rites of Ukrainians of Omsk region (1930–2000s). Abstract of thesis dis. cand. hist. sci.]. Omsk, 2013. 33 p. (in Russian).

Sklyarov L. F. *Pereseleniye i zemleustroystvo v Sibiri v gody Stolypinskoy agrarnoy reformy* [Relocation and land planning in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad, 1962. 588 p. (in Russian).

Tishkov V. A. O kul'turnom mnogoobrazii [On cultural diversity]. *Etnograficheskoye obozreniye – Ethnographic review*, 2005, no. 1, pp. 3–23 (in Russian).

Ugreninov S. A. *Kazach'i sotni i kazakhskiy otryady: ruka ob ruku* [Cossacks' sotnias and kazakhs' detachments: hand in hand]. Kostanay, Kostanayskiy pechatnyy dvor Publ., 2007. 280 p. (in Russian).

Chekmareva L. P. K probleme iskazheniya russkoy diktsionnoy kul'tury zapadnosibirskogo regiona pod vliyaniem migratsionnykh protsessov [To the problem of distortion of the Russian diction culture of West region under the influence of migration processes]. *Rossiia i Vostok: Istoriya i kul'tura* [Russia and the East: the History and culture]. Omsk, Omskiy ped. un-t Publ., 1997. Pp. 247–249 (in Russian).

Churkin M. K. *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: determiniruyushchiye faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Resettlement of peasants of Chernozem center of the European Russia to Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk, Omskiy ped. un-t Publ., 2006. 350 p. (in Russian).

Etnografiya vostochnykh slavyan: ocherki traditsionnoy kul'tury [Ethnography of the Eastern Slavs: essays on traditional culture]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 558 p. (in Russian).

Zhigunova M. A.

**Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.**

Pr. Marksa, 16, Omsk, Russia, 644024.

E-mail: marizh.omsk@mail.ru